

**«У народов действительно свободных
женщины свободны и окружены любовью»
(vertu и гендерные стереотипы робеспьеристов:
идеал и действительность)**

Татьяна Черноверская (Новосибирск)©

Цитата, вынесенная мною в заголовок, взята из трактата Луи Антуана Сен-Жюста *Дух Революции и Конституции во Франции*¹, выпущенного им в начале июня 1791 г., когда его представления о том, как должен измениться мир, еще не вполне сформировались; тем не менее уже в этом трактате прозвучали многие идеи, касающиеся положения женщины в семье и в обществе, которые он будет развивать и позднее.

Прежде чем говорить о свойственных робеспьеристам гендерных стереотипах, замечу, что речь пойдет о пяти депутатах Конвента, арестованных в ходе переворота 9 термидора II года Республики — это братья Максимилиан и Огюстен Робеспьер, Луи-Антуан Сен-Жюст, Жорж Кутон и Филипп Леба, — те, в чьей судьбе проявилось единство образа мысли и образа жиз-

---

© Черноверская Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета.

ни — как в политике, так и в повседневности, — кто самой смертью подтвердил ценность тех принципов, которые они отстаивали.

Из этих пятерых — Сен-Жюст оставил наиболее подробно прописанную картину правильно устроенного общества, но его *Республиканские установления* — это преимущественно заметки, делавшиеся на случайно подвернувшихся листках бумаги, и потому картина оказывается неизбежно неполной, фрагментарной; представления Робеспьера растворены в его многочисленных выступлениях в Национальных собраниях и в Якобинском клубе; для Жоржа Кутона и Филиппа Леба они едва ли не прежде всего проявляются в их повседневной жизни и в деятельности.

Робеспьеристский социальный идеал достаточно часто рассматривается в качестве модели эдакой тоталитарной утопии, основанной на «реальном» равенстве и скучной мещанской добродетели. При этом самого Робеспьера, с (не)легкой руки термидорианцев, в частности, Мерлена из Тионвиля, писавшего: «Неправда, будто он имел честь любить женщин; напротив того, он делал им честь, ненавидя их. Иначе откуда такая жестокость?»² — стали изображать человеком, лишенным нормальных человеческих чувств. Нередко в подтверждение цитируется одна из заметок Робеспьера относительно Дантона:

Слово добродетель вызывало смех Дантопа; нет более прочной добродетели, говорил он шутя, чем добродетель, которую он проявлял каждую ночь со своей женой. Как мог человек, которому всякая моральная идея чужда, быть защитником свободы?³

Ханжеская эпоха Романтизма одновременно и закрепила в качестве нормы «мещанский» идеал семьи — и превратила эту бесполость, асексуальность — в одну из непременных черт подлинного революционного борца: вспомним хотя бы героическую фигуру Анжольраса в «Отверженных» Виктора Гюго — персонажа, в котором, к слову, воплотилось характерное для середины XIX века представление о Сен-Жюсте.

Изрядная доля тоталитарности и в самом деле присутствует в робеспьеристском идеале — в той мере, в какой мы вообще можем говорить о тоталитарности, свойственной обществу традиционного типа. Но те же самые представления можно описать не только в терминах тоталитарной демократии⁴, но и в терминах классического республиканизма (или неоримской политической теории)⁵.

Что же до добродетели — обратим внимание на то, что русское слово «*добродетель*», связанное в первую очередь с христианскими моральными ценностями, не вполне адекватно французскому «*vertu*», в котором, в особенности во времена классицизма — и Революции — очень сильно ощущаются его римские корни — «*virtutis*» как прежде всего гражданская доблесть. В дантоновской же шуточке про «добродетель, которую он проявлял каждую ночь со своей женой», явственно звучит еще один привычный для французов смысл слова «*vertu*» — это *мужская* доблесть; и Робеспьера здесь определено покоробила подмена понятия, намеренное его снижение, присутствующее и в этом значении, и в буквальной адресации к ценностям семьи и брака.

При этом сами по себе семейные ценности, и именно «мещанский», буржуазный идеал семьи, представляется одной из необходимейших характеристик будущего совершенного общества; более того, семейные добродетели рассматриваются робеспьеристами в неразрывном единстве с гражданской доблестью, выступая в качестве ее необходимой основы. Об этом свидетельствует, к примеру, аргументация, которую использует Сен-Жюст, защищая перед Конвентом Вилена Добиньи:

Я видел, как он продавал свои вещи, чтобы обеспечить пропитанием свою мать, которую содержит на протяжении 15 лет <...> Я не знаю лучшего друга, более горячего патриота, гражданина, более заслуживающего уважения, чем Добиньи⁶.

Семейным ценностям уделено немало внимания и в Сен-Жюстовской программе «Республиканских установлений». Семья здесь — свободный союз мужчины и женщины, союз равных, не допускающий принуждения:

Мужчина и женщина, которые любят друг друга, являются супругами. Их союз основан не на договоре, а на взаимной привязанности <...> Никто не может подавлять склонности своего ребенка...

Еще в своих ранних произведениях он критически высказывается о неравноправном положении женщины в браке —

Женщина не может соединиться с тем, кою она любит, не обретя при этом господина, и это наименьшая из бед. Если же ее соединяют с тем, кого она не любит, или если она более не любит того, кого она не должна больше любить, и если в этом рабстве кто-нибудь нежною рукою утрёт ее слезы, женщину обвинят в нарушении супружеской верности. Но закон более виновен, чем она: по какому праву он распоряжается ею <...> Тот, кто говорит, что один пол должен подчиняться другому, обманывает сам себя. Если ты можешь сказать об этом своей возлюбленной супруге, осмелишься ли ты повторить то же самое вскормившей тебя матери?... Из того, что один пол слабее другого, вовсе не следует, что он должен подчиняться. Вот почему гордыня мужчины разоблачает себя повсюду. Он раб собственной слабости...⁷

В *Республиканских установлениях* всемерно подчеркивается равноправие супругов и в отношении воспитания детей, и в их имущественных правах. Правда и здесь — разрабатывая «в напоминание о равенстве людей» специальный обряд для праздника юности, приходящегося па первый день флореаля:

народ каждой коммуны будет выбирать в храмах из числа жителей коммуны молодого человека, состоятельного, добродетельного, не имеющего физических недостатков, в возрасте от двадцати одного до тридцати лет», который «выберет себе в жены бедную девушку⁸. —

он отдает активную роль в заключении брачного союза мужчине, женщине же остается роль пассивная. — Замечу, что в светской церемонии «Розьер» (он был разработан «просвещенными умами» в 60—70-е годы XVIII века в противовес как церковным, так и народным празднествам), обряд которой можно считать прототипом Сен-Жюстовского проекта, община ежегодно в начале мая выбирает самую добродетельную девушку, предоставляя ей приданое, с которым она должна в течение года выйти замуж⁹.

Своеобразно проявляется в проекте Сен-Жюста представление о верности супругов: в случае развода они оба лишаются права воспитывать детей; и то же самое происходит, если овдовевший супруг вторично вступает в брак.

Для Сен-Жюста все это не было только теорией — есть основания полагать, что он не только верил в семейные ценности, но и сам желал создать семью¹⁰. Огюстен Лежен, познакомившийся с ним в 1791 году в трактире близ Лана, так передает слова своего собеседника:

Мои устремления ограничиваются тем, чтобы жить в деревне, в согласии с законами природы: супруга, любимые дети для моего сердца, учёные занятия для моих досугов, излишки для моих добрых соседей, если они будут бедны¹¹.

А близкий друг Сен-Жюста Пьер Гато сообщает, что он в конце революции порой с грустью думал, что мог бы наслаждаться покоем частной жизни в уединенном сельском доме с тою, кого небу угодно было бы сделать его спутницей, дав ему счастливую возможность сформировать ее сердце и разум вдали от назойливого вмешательства городской толпы¹².

Признанной — и вполне реальной — моделью такой семьи можно считать семью столяра Дюпле, у кого квартировал Робеспьер: глава семьи — гражданин и патриот, собственным трудом обеспечивающий семейный достаток; мамаша Дюпле, которую даже враги характеризуют как добрую жену и мать, она и дочерей своих воспитала соответствующим образом, причем это воспитание не было ограничено домом и домашним хозяйством, и даже изящными искусствами (девушки играли на клавесине, а старшая, Элеонора, брала уроки живописи у Жана-Батиста Реньо, соперника Давида) — женщины посещают зрительские трибуны Национального собрания и Якобинского клуба, разделяя политические убеждения отца или супруга, оказывая ему поддержку, но кажется, не играя самостоятельной роли в этой сфере его жизни. Между прочим, именно встречу на заседании Конвента, куда она пришла вместе с сестрой Робеспьера, младшая дочь Дюпле, Элизабет, описывает как начало романа со своим будущим мужем Филиппом Леба¹³ — и их брак воспроизводит в целом сходную модель семейных отношений. Из мемуаров Элизабет Леба известно, что когда ей удалось уговорить своего мужа и Сен-Жюста разрешить ей вместе с сестрой Филиппа Анриеттой сопровождать их в миссии к Рейнской армии, с молодых женщин, оставленных на безопасном расстоянии от театра боевых действий, было взято обещание ни в коем случае не принимать никаких ходатайств, адресованных комиссарам¹⁴.

Вероятно, что-то в том же роде можно сказать и о семье Жоржа Кутона. В 1787 году он женился на двенадцатилетней Мари Брюнель, которая в декабре того же года родила ему сына, Антуана Франсуа Ксавье, а в январе 1790 — второго, Ипполита¹⁵, вместе с которым сопровождала мужа во время его ответственной правительственной миссии, связанной с наведением порядка в юго-восточных департаментах и в Лионе: «Моя жена, Ипполит и я обнимаем тебя от всего сердца», — пишет он Сен-Жюсту в октябре 1793 г.¹⁶

Шарлота Робеспьер сопровождала в миссии к Итальянской армии своего младшего брата, и «в то время как они (Огюстен Робеспьер и Франсуа Рикор), посещая дивизию за дивизией, всюду восстанавливали порядок и заботились о провианте для голодных, мы с г-жей Рикор изготавливали рубашки для солдат. Вечерами, чтобы отдохнуть, мы совершали прогулки в окрестностях Ниццы пешком или верхом». Когда же их верховые прогулки стали ос-

нованием для обвинения молодых женщин в «аристократизме», Огюстен и Рикор взяли с них обещание от таких прогулок отказаться¹⁷.

Хотя во всех этих примерах женщине, супруге оставляется приватная сфера, вовсе не второстепенную роль в семейной гармонии играет ее гражданская позиция. Своеобразно это проявилось уже после гибели Леба и Кутона: их вдовы, очень молодые женщины, вопреки господствующему общественному мнению, а Мари Брюнель еще и вопреки отношению ближайшего окружения, воспитали своих сыновей в уважении не только к памяти отцов, но и к их политическим убеждениям. Так, Антуан Ксавье Кутон, призванный в свой срок в армию и пройдя с нею все походы, дослужился до унтер-офицерского чина, был замечен самим Императором — и гордо отказался от предложения поменять имя, чтобы получить офицерские эполеты, так и оставшись до конца службы сержантом...¹⁸ Небезынтересно, кстати, и то, что уже при Реставрации молодой профессор Филипп Леба-младший был приглашен на некоторое время воспитателем к Луи-Наполеону Бонапарту, который, и став императором Наполеоном III, выказывал уважение к своему прежнему учителю...

Достаточно неожиданным с точки зрения мещанской добродетели и в контексте представлений о единстве образа мысли и образа жизни, свойственных робеспьеристам, оказывается их отношение к адюльтеру.

В самом деле — воспоминания Шарлотты Робеспьер, опубликованные в середине XIX века, вопреки намерениям автора, совершенно недвусмысленно указывают на связь ее младшего брата с супругой его коллеги по миссии Франсуа Рикора; по возвращении из миссии Огюстен даже поселился у Рикоров¹⁹. Ходили слухи и о соперничестве из-за гражданки Рикор между Огюстеном и молодым генералом Бонапартом. — Гораздо позднее, в конце XX века, были опубликованы письма к родным юной Миет Тайан, племянницы Жильбера Ромма — и дочери школьного товарища Жоржа Кутона, который посетил их дом ко время своей миссии в департамент Пюи-де-Дом. Миет была несколько шокирована тем, что этого человека, «очень красивого и очень больного» сопровождала молодая женщина «с убеждениями», которая, как она поняла, была ему не женой, а любовницей²⁰. Среди современных исследований жизни Сен-Жюста достаточно распространенным является представление о его продолжительной — вплоть до самых последних дней — связи с замужней женщиной Терезой Торен, связи, которая, по мнению этих авторов, возобновилась вскоре после того как Терезу, в руке которой ему было отказано, выдали замуж за другого²¹.

Как-то не очень вяжется все это с распространенным представлением о «пуританской морали» Робеспьера — ибо очень трудно представить, чтобы для него оставалась полной тайной эта сторона жизни близких ему людей.

Многое, однако, встанет на свои места, если мы обратимся к тому, что Робеспьер и Сен-Жюст писали в более ранние годы.

Так, в 1787 г. Робеспьер написал на конкурс, объявленный Академией г. Мец доклад *О правах незаконнорожденных*, где говорил о том, что незаконнорожденные — чаще всего дети бедных девушек и молодых людей из бога-

тых семейств, которых родители лишили бы наследства, если бы они имели несчастье вступить в неравный брак, чтобы не совершить подлости, о том, как люди, созданные, чтобы следовать законам природы, и в конце концов побежденные этими законами, оказываются бессильными исправить свою ошибку и вынуждены отказаться от собственных плоти и крови, о необходимости не допустить того, чтобы отеческая или материнская власть препятствовала бракам по любви, и содействовать в известных границах и при известных условиях розыску отцовства, — и берет под свою защиту не только незаконнорожденного ребенка, но и его согрешившую мать²².

Сен-Жюст в опубликованном в 1791 г. трактате *Дух Революции и Конституции во Франции* рассуждает о неравной ответственности мужчины и женщины за прелюбодеяние («я хочу, чтобы мне раз и навсегда разъяснили, почему муж, подбрасывающий своих незаконно прижитых детей в дом какого-нибудь другого человека или нескольких других людей, менее виновен, чем жена, которая может принести только одного ребенка в свой собственный дом... Те, кто создает законы против жен. но не против их супругов, должны были бы также постановить, что преступником является не убийца, а жертва»), выражает сочувствие соблазненной девушке («предрассудок ее бесчестит, но она всего лишь несчастна»), и о необходимости защитить права незаконнорожденного ребенка, которого законы преследуют вместо того, чтобы утешить:

Незаконнорожденный в тысячу раз более несчастный, чем сирота, ищет себя в целом мире; всех, кого он видит, он вопрошает о тайне своего рождения; а поскольку юность его обычно наполнена горечью, несчастье делает его в более позднем возрасте настойчивым и изворотливым²³.

Разумеется, в этих рассуждениях очень легко усмотреть и так сказать личные мотивы — Робеспьер, родившийся через четыре месяца после венчания родителей, сам легко мог оказаться в положении незаконнорожденного; незаконнорожденной была Тереза Желе, возлюбленная Сен-Жюста, признанная собственным отцом лишь в тринадцатилетнем возрасте²⁴.

Но вот как в *Республиканских установлениях* соединяет Сен-Жюст свободную любовь с семейными ценностями:

Мужчина и женщина, которые любят друг друга, являются супругами. Если у них нет детей, они могут хранить свой союз в тайне; но если жена забеременела, они обязаны объявить себя супругами перед магистратом²⁵.

Он прекрасно чувствует ответственность, какую налагает ребенок в таких свободных союзах, и в этом отношении его позиция выглядит очень современной.

В тех же заметках Сен-Жюста содержатся и наброски предлагаемой им системы образования и воспитания. При всей их фрагментарности одно можно сказать совершенно определенно — эта система предназначена только для мальчиков: если мальчики от 5 до 21 года принадлежат Республике, то воспитанием девочек занимаются их матери. Таким образом уже на этой стадии в его правильно устроенном, обществе закладывается гендерная асимметрия, закрепление за женщиной приватной сферы. Соответственно, те модели героического или гражданского поведения, которые он формулирует

в своих докладах Конвенту — образ революционера²⁶ или образ комиссара при армии²⁷, образы, которым он сам неуклонно следовал в своей публичной жизни — есть образы последовательно мужские. — В качестве своего рода идеальной модели» соответствующей такому образу, может рассматриваться, между прочим, и образ жизни самого Робеспьера — жизнь простая, открытая, *добродетельная*, близкая образу жизни трудового народа, жизнь в семье *столяра*, что вызывало у части его современников еще и евангельские аллюзии, — и самый этот образ жизни оказывается одной из важнейших составляющих его харизмы как политика²⁸.

Но вот в педагогическом проекте Мишеля Лепеллетье де Сен-Фаржо, который 13 июля 1793 г. именно Робеспьер представил Конвенту²⁹, тем самым солидаризировавшись с ним, предлагается, чтобы «издали декрет, по которому всем детям в возрасте от 5 до 12 лет (для мальчиков) и от 5 до 11 (для девочек), без всякого различия и без всякого исключения предоставляется общественное воспитание на средства республики, так что все они, находясь под святым покровом равенства, получают одинаковую одежду, пищу, образование и уход», и различие в возрасте *завершения* этого обязательного для всех образования мотивируется тем, что

девочки <...> скорее развиваются и, кроме того, могут к более раннему возрасту приступить к изучению пригодных для них ремесел, так как эти ремесла менее требуют физической силы³⁰.

Представляется практически очевидным, что самостоятельного участия женщин в общественной и политической жизни робеспьеристский общественный идеал не предусматривал.

Здесь, правда, можно вспомнить, что еще в 1787 г. Робеспьер, в качестве очередного председателя Аррасской Академии, произнес приветственную речь в честь двух женщин, только что принятых в эту Академию — литератора м-ль Луизы де Керальо из Парижа и математика м-ль Мари ле Массон ле Голфт из Гавра, — выражая в этой речи восхищение их талантами; однако, справедливости ради, следует сказать, что скорее всего инициатором принятия женщин в Академию был ее непреременный секретарь Фердинан Дюбуа де Фоссе, известный действительно феминистскими взглядами³¹.

Можно вспомнить и то, как Робеспьер, приветствовал в качестве депутата патриотические дары женщин — жен художников, или что именно в ответ на требование, предъявленное делегацией женщин, им был внесен в Конвент проект закона о создании Комитета справедливости, призванного разбирать дела несправедливо арестованных³².

В то же время известно его негативное отношение к Обществу Революционных республиканок, содействие его закрытию, — хотя, как и в случае с Олимпией де Гуж, автором «Декларации прав женщины и гражданки», на Первом плане здесь скорее всего причины политические — неприемлемость для него как леворадикальных позиций Республиканок, так и позиции «защитника короля», противоречащих его представлению об истинном патриотизме и гражданской доблести.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 211.
- ² Мерлен (из Тионвиля) А.К. Портрет Робеспьера // Свобода. Равенство. Братство. Великая французская революция: Документы, письма, речи, воспоминания, песни, стихи. Я., 1989. С. 399.
- ³ Робеспьер М. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М., 1965. С. 146.
- ⁴ Новоселов Б.Н. [Реф.:] Талмон Дж. Истоки тоталитарной демократии // Тоталитаризм: что это такое (Исследования зарубежных политологов). Сб. статей, обзоров, рефератов и переводов. Ч. 1. М., 1993. С. 191—214.
- ⁵ Филимонова М.А. Классический республиканизм в Американской и Французской революциях конца XVIII века // Новая и новейшая история, 1 (2004). С. 47—64; Скиннер К. Свобода до либерализма. Пер. с англ. А.В.Магуна. СПб., 2006. 119 с.
- ⁶ Цит. по: Vinot V. Saint-Just. P., 1985. P. 204.
- ⁷ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты..., с. 269, 270.
- ⁸ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты..., с. 303.
- ⁹ Чеканцева З.А. Порядок: и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск, 1996. С. 180—182.
- ¹⁰ Vinot V. Saint-Just..., p. 193 — 194.
- ¹¹ Цит. по: Kermina F. Saint-Just. La Revolution aux maines d'un jeun homme. P., 1982. P. 14.
- ¹² Цит. по: Vellay Ch. Introduction // Saint-Just L.A. Oeuvres completes. Ed. Ch.Velay. T. 1-2. Paris, 1908. T. 1. P. XIII.
- ¹³ Manuscrit de Mme Le Bas // Stefane-Pol (Paul Coutant). Autour de Robespierre: Ic Conventiionnel Le Bas. P., 1901. P. 104—106; Серебрякова Г.И. Елизавета Леба // Серебрякова, Г.И. Женщины эпохи Великой французской революции. М., 1964. С. 189.
- ¹⁴ Manuscrit de Mme Le Bas.... p. 130—136.
- ¹⁵ Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers. Premiere serie. P., 1932. P. 292.
- ¹⁶ Кутон Ж.О. Избранные произведения. М.: Наука, 1995. С. 119.
- ¹⁷ Робеспьер Ш. Воспоминания. Пер. с фр. Е.Л. Овсянниковой. Л., 1925. С. 47—48.
- ¹⁸ Lenotre G. Vieilles maisons, vieux papiers..., p. 292—293.
- ¹⁹ Робеспьер Ш. Воспоминания..., с. 47—50, 54.
- ²⁰ Bouscauyron R. Les lettres de Miette Tailhard-Romme. Clennont-Ferrand, 1979. — Это письмо цитирует Клодин Кавалье: Claudine Cavalier. Re: Re: Des images de Robespierre et des autres — на форуме «NEA 1789-1794» в записи от 24.10.2004.
- ²¹ Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organ / M.A. Charmelot. P., 1957. 95 p.; Vinot V. Saint-Just.... p. 191—195.
- ²² Robespierre M. Les droits et l'etat des bâtards. Carnot L. Le pouvoir de l'habitude. Discours roublies par L.N. Bertier et M. De Langre. Academie des Sciences, Lettres et Arts. Arras, 1971. 160 p. На это сочинение молодого Аррасского адвоката обратил тогда же внимание его сверстник, февдист Франсуа-Ноэль Бабёф, — что следует из его сохранившегося черновика его письма к неперемемному секретарю Аррасской академии Фердинану Дюбуа де Фоссе: Бабёф Г. Избранное: В 4 т. Пер. с фр. Т. I. М.: Наука, 1975. С. 84.
- ²³ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты..., с. 210, 211.
- ²⁴ Charmelot M.A. Saint-Just ou le chevalier Organt..., p. 25—26; Vinot V. Op. cit. - P. 45-46.
- ²⁵ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты..., с. 299.
- ²⁶ «Революционер непреклонен; но он рассудителен, воздержан, прост без ложной скромности; оп непримиримый враг всякого обмана, всякой снисходительности, всякого притворства. Поскольку он стремится увидеть торжество Революции, он никогда ее не порицает, но осуждает се врагов; он никогда не позволит себе оскорбить революцию, но разъясняет ее принципы; дорожа чистотой революции, он говорит о ней сдержанно из уважения к ней; он стремится быть равным не с властями, вопрошающими закон, а с людьми, и в особенности с людьми обездоленными. Революционер исполнен чести; его

учтивость не слащава, она исходит от чистого сердца, ибо его совесть спокойна; он полагает, что грубость свидетельствует о лживости и об угрызениях совести и что под запальчивостью скрывается притворство. Аристократы говорят и действуют как тираны. Революционер неумолим к злодеям, но он чувствителен; он столь ревностно заботится о славе отечества и о свободе, что никогда не поступает опрометчиво; он устремляется в бой с врагами, он преследует виновных и защищает невинность перед судом; он говорит правду без поучения и не для того чтобы оскорбить. Он знает, что для упрочения революции нужно быть столь же добрыми, сколь некогда были злыми; его честность - не ухищрение ума, но свойство сердца, само собой разумеющееся. Марат был мягким в своей среде, он внушал страх только предателям. Ж.Ж. Руссо был революционером, и наглость, без сомнения, была ему чужда. Из этого я делаю вывод, что революционер — это герой здравого смысла и честности» (**Сен-Жюст Л.А.** Речи. Трактаты..., с. 158—159).

²⁷ **Сен-Жюст Л.А.** Речи. Трактаты..., с. 99—100.

²⁸ Мне уже доводилось обращать на это внимание: **Черноверская Т.А.** «Jeun homme atroce et téâtral»: К вопросу о театральной природе политического дискурса Французской революции // XVIII век: театр и кулисы. Сборник научных трудов. М., 2006. С. 48—49.

²⁹ **Лепеллетье М.** План национального воспитания // Робеспьер М. Избранные сочинения..., т. 3, с. 231—263.

³⁰ **Лепеллетье М.** План национального воспитания..., с. 236.

³¹ **Plongeron Ph.** Un inédit de Robespierre: Sa reponse au discours de reception de Mademoiselle de Keralio — 18 avril 1787 // Annales historiques de la Revolution Française, 216 (1974). P. 261—283.

³² **Robespierre M.** Oeuvres completes. T. X. Discours (5e partie). Ed M. Bouloiseau et A. Soboul. P., 1967. P. 262—266.